

Елена Иванчикова

Отзыв на XII юнгианскую конференцию «Пограничный и нарциссический пациент в аналитической терапии», прошедшую 27-29 января 2012 в Восточно-Европейском институте психоанализа в Санкт-Петербурге

Скажу сразу: на данной конференции я оказалась не случайно, она приходилась аккурат на окончание моей сессии в Восточно-Европейском институте психоанализа. Как только я услышала про тему конференции, я заинтересовалась, каким образом удастся уместить в прокрустовом ложе единого аналитического метода две узловых темы – тему пограничников и тему нарциссов.

Объединить эти темы получилось достаточно удачно, и я скажу об этом ниже. Конференция как таковая оказалась широкоформатной: это было обусловлено тем, что в её рамках были представлены как доклады и презентации, так и круглые столы и воркшопы. В ней приняли участие не только аналитические психологи и психоаналитики, но и психодраматисты и гештальтисты. Сыграл роль тот факт, что в качестве организаторов конференции выступили три широкомасштабных организации – РОАП, МААП, и ВЕИП. Мероприятие объединило за одним столом как практикующих психоаналитиков, так и писателей, тренеров, и всех тех, кто был заинтересован в проблематике конференции.

Открыл конференцию доклад Оксаны Лавровой **«От Эдипа к нарциссу: глубинные аспекты аутоэротизма»**. Внутри одной и той же личности мы можем обнаруживать и нарциссические, и пограничные черты. Есть и здоровый нарциссизм, благодаря которому мы можем откликаться бессознательно на потребности другого человека. И слабая ущемленная часть может нуждаться в помощи извне – для того, чтобы укрепить саму себя. Это происходит благодаря наличествующей внутри каждого человека диалогической матрице – диалогической Самости. Она проявляется в диадах «мать-дитя», «мужчина-женщина». И еще – в диаде «раб-господин», непосредственно имеющей отношение к нарциссической патологии личности: ведь эксплуататорские отношения для нарциссов – норма.

С Эдипом работать гораздо проще, чем с нарциссом, так как мы знаем, что с этим делать. Но мы гораздо хуже представляем, что делать с нарциссом, этим новым Эдипом, с которым мы сталкиваемся все чаще и чаще. Нарцисс может «маскироваться» под Эдипа: сперва может казаться, что тот или иной клиентский случай может быть связан с невротическим расстройством личности. Но по мере его изучения становится понятным, насколько глубокпсихотический полюс. Он может проявляться в следующих диагностических критериях: Склонность применять огромное количество усилий, для того, чтобы избежать участи быть покинутым, вовлекаться в напряженные и нестабильные отношения, расстройство идентичности, суицидальное поведение, очень переменчивое настроение.

Параллельно могут проявляться следующие нарциссические дефекты: непроницаемость для окружающих, неприятие интерпретаций, сниженность функции символизации, низкая эмпатия, низкая рефлексия. Это связано с тем, что любые расстройства, даже пограничные, могут иметь нарциссические патологии. Ведь нарциссизм является «самым великим из великих, и самым психотическим из всех регрессий» (с) Натан Шварц-Салант

В качестве иностранного гостя приехал и выступил с докладом **«Нарциссические аспекты переноса и контрпереноса»** Матиаз Регович из Любляны в Словении. Это маленькая страна, в ней был коммунизм, поэтому в ней до недавнего времени не было психоанализа: (Поэтому сейчас в Словении всего двое аналитиков : (Матиаз описывал недавний клинический случай, связанный с нарциссическим идеализирующим переносом. К нему в анализ пришла пациентка-нарцисс,

восхищение которой было столь тактично, что он не чувствовал никакой навязчивости. Матиаз чувствовал себя великим и грандиозным, это льстило ему. В то же время его пациентка чувствовала себя очень маленькой и недостойной его внимания, она была очень благодарна за то, что он с ней работает. В данном случае отсутствовал диалог, и работать в таких условиях было невероятно сложно – так как слишком большая часть Я проецируется на аналитика. Аналитик большой, а анализант – маленький.

Постепенно пациентка начала чувствовать стыд – однако, вскоре за стыдом стали появляться чувства фрустрации и гнева. Расцвел негативный перенос. А в контрпереносе Матиаз чувствовал, что от него ожидают искупления каких-то грехов, вины. Он ощущал, что обязан что-то дать этой девочке – и одновременно беспомощность по этому поводу. Он знал, что ничего не может сделать. Здесь почти не было пространства для символизации – пациентка говорила не «Я чувствую себя так, как будто бы Вы делаете со мной это», а «Вы со мной это делаете».

Тем временем гнев пациентки перерос в ярость, а Матиаз не знал, что делать. Однако, в итоге он решил прояснить для пациентки свои чувства, и продемонстрировал ей часть своей беспомощности: «Я не знаю, в каком направлении работать дальше». И это произвело сильное впечатление на клиентку: ее аналитик не всесилен, у него есть ограничения, границы, пределы. Он не лучший аналитик в этом мире. Это представилось Матиазу картиной конъюнкции: он продемонстрировал гравюру, на которой герой убивает дракона, и пояснил следующим образом: что-то должно умереть во взаимоотношениях для того, чтобы могло появиться на свет. В итоге у пациентки родилась способность к символизации – и она смогла говорить о себе: «Я чувствую себя, как будто бы»...

К сожалению, единственное, что омрачило данный доклад – это низкое качество синхронного перевода, и бешеный ритм выступления. У меня осталось несколько вопросов, которые я хотела задать (что же должно, по мнению Матиаса, в данном случае умереть во взаимоотношениях?), но спустя две минуты за кафедрой стоял уже следующий докладчик.

Меня, как филолога по первой специальности, порадовал тот факт, что достаточно обширный смысловой пласт конференции был посвящён литературной проблематике нарциссических аспектов личности. С докладом **«Пресловутый сон Татьяны»**, посвященным юнгианскому анализу архетипических смысловых составляющих романа «Евгений Онегин», выступил писатель Трофимов Валерий.

Валерий зачитал отрывок из романа^[1]. По его мнению, Евгений Онегин – подлинная нарциссическая личность, явленная в канве XIX века. Кто же партнер Онегина? Татьяна, отличающаяся интересом к мистике и имеющая хороший контакт со сферой бессознательного. Она не случайно идет во сне по снегу: снег связан с замороженным течением либидо, растерянностью, отсутствием ориентиров. Она жила в атмосфере, где не было пространства для индивидуации. Однако, в темном древнем водном потоке все же кипит сексуальная энергия – но он ее пугает, поскольку он опасен, и что делать с этой энергией, она не знает. И вот взору Татьяны предстает мосток из двух жердочек – мосток между потусторонней и посюсторонней реальностью. А медведь представляет собой архаичного анимуса, связанного с умершим отцом Татьяны, кроме которого, ей некому помочь.

Какая же сила влекла Татьяну в лес? Это потребность в индивидуации. В итоге ее социальный статус существенно вырос, она построила персону светской львицы, она защищена. Онегин является образцом нарциссического расстройства. Когда Татьяна отвергает Онегина, признававшегося ей в любви, она чувствует в нем нарцисса, чувствуя, что его теперешний интерес обусловлен ее социальным статусом.

С докладом **«Нарциссические особенности предпринимателей, занимающихся финансовыми спекуляциями»** выступил тренер и частный психоаналитик Юрий Виноградов. Предприниматели, занимающиеся финансовыми спекуляциями – нарциссы в том смысле, что они работают самостоятельно, у них хорошо развито чувство конкуренции, они идут против «аморфной массы», их задача – не поступать, как поступает большинство, что,

безусловно, способствует развитию нарциссизма. Что касается предпринимателей, то здесь существует три направляющих координаты.

Первая линия координат – «нарциссизм-деньги». Для нарциссичного человека, у которого есть проблемы с общением с людьми, деньги становятся возможностью для получения самоудовлетворения и самореализации. Вторая линия «нарциссизм-зависимость» – так как биржевая игра – это вид зависимости. Третья – «нарциссизм здоровый – нарциссизм патологический». Для очень небольшого числа людей в данном случае (случае финансовых спекуляций) в данном случае этот нарциссизм является здоровым – может быть, это 1 человек на 1000. Такие люди позиционируют себя как одиночек, имеют полную свободу, путешествуют по всему миру, потому что интернет доступен везде, если у них эта спекулятивная деятельность эффективна. Но у остальных эта спекулятивная деятельность – неэффективна, в их случае деньги – это способ поддержания самооценки, они тратят деньги для того, чтобы оставаться в игре. Так как ввиду отсутствия социальных контактов у них нет возможности для самоутверждения.

Нарциссическая ловушка в данном случае связана с самооценкой. Если человек не может зарабатывать деньги на спекуляциях, то его оценка падает, и он тратит время и деньги для того, чтобы зарабатывать деньги на спекуляциях. Если у него получается зарабатывать деньги, его Эго разрастается до огромных размеров, и он продолжает играть, поскольку это хорошо удовлетворяет его финансовые потребности. И человек садится на «нарциссическую иглу».

Почему сейчас этот вопрос актуален? Наша современность движется в сторону нарциссизма, что является, на мой взгляд, прогрессом, и приближает нас к более здоровым формам – поскольку он более сохранен, чем другие формы пограничных расстройств. И финансовые спекуляции позволяют увидеть этот нарциссизм более четко: только посмотрев на монитор, спекулянты могут почувствовать собственную грандиозность. Также нарциссам свойственны фантазии об успехе – а область финансовых спекуляций наилучшим образом способствует реализации нарцисса.

Воркшоп «**Нарциссическая любовь: исследование чувств и отношений**», в рамках которого оказалась затронута проблема здорового нарциссизма, провели Кузнецова Татьяна и Моник Елена. Авторы воркшопа исходили из того, что все присутствующие были готовы почувствовать в себенарциссическую часть – которая вследствие расщепления сосуществует с ненарциссической частью. Татьяна и Елена заявили, что они не считают, что нарциссизм – это патология, но, напротив, всячески приветствуют здоровый нарциссизм. И, нарциссическая компонента в отношениях присутствует всегда.

Нарцисс зачастую рос в условиях дилеммы: «правда или отношения»? Нарциссические личности воспитывались родителями, которые искали *правду*. То, что при этом кто-то умирал от стыда и беспокойства, родителей совершенно не волновало. Анима, или чувственная составляющая нарцисса – «фальшивая невеста» – достаточно отчуждена, нарциссы очень плохо чувствуют себя в отношениях, им очень страшно. Можно говорить о хрупкой идентичности нарцисса: Эго нарцисса слито с Самостью, и в Самости этой много и грандиозности, и стыда. И одним из направлений работы может быть выстраивание полярностей, характерных для Эго, чтобы затем искать нечто среднее между этих полярностей. Нарцисс и есть Самость: поэтому принцип работы связан с тем, чтобы дать нарциссу осознать, что его грандиозность – это не есть весь он, это есть определенная его внутренняя часть. И когда появляется осознание, что «и это не я, это лишь моя часть» – появляется возможность для движения к отношениям, к *киерогамусу*.

В Тени у нарцисса мы обнаруживаем глубокое чувство стыда – «я плох, я никчем, а еще мне стыдно стыдиться». Кроме стыда там есть обида, и глубокое чувство обворованности – «родители не принимали меня таким, как я есть, принимали только при определенном условии». Обида для нарцисса – способ сохранить отношения. Она возникает у нарцисса вследствие того, что Другой, по мнению нарцисса, должен любить его. Он верит в чувства со стороны Другого (и если мы перестаем в них верить – мы перестаем

чувствовать обиду). Любая критика, любое неосторожное слово может убить нарцисса – «я не вынесу этого, мне больно». Есть термин «нарциссическая депрессия» – и это падение из грандиозности в разочарование, энергетическую потерю. Ещё в Тени у нарцисса сидят Эрос (страх потерять себя в другом, я буду поглощен, меня не станет) и Дионис (страх наслаждения, потому что оно – хаос, и в нем я боюсь потерять себя, я и так очень хрупок).

Типичные нарциссические отношения: нарцисс очень часто встречается с жертвенной (мазохистической) фигурой. Они соединяются в этой паре, и происходит проекция нарциссом своих болезненных частей на партнера, и к нему тогда возможно хоть какое-то чувство. Поскольку нарциссу влюбиться в совсем другого очень страшно. А так влюбиться можно хотя бы в проекцию. Оказавшись в таких отношениях, нарцисс будет изо всех сил проецировать свое садистическое Супер-Эго на партнера, чтобы бессознательно стать его жертвой и хоть как-то испытать посредством этого свои теньевые аспекты.

Собственный брак нарцисса – точная копия брака собственной родительской пары. Бессознательно нарцисс будет хотеть эту пару разрушить через разрушение своих собственных отношений. По Фрейду, нарцисс выбирает в лице партнера либо того, кем он был раньше, но уже прошел через это, либо того, кто смахивает на него сегодня, либо того, кем он хотел бы быть (и последнее – это прогресс). Нарцисс оказывает довольно сильное влияние на других людей. Он очаровывает, и мы оказываемся в отношениях с этим человеком. И мы плохо осознаем его влияние, т.к. ему сложно понять, что он причиняет боль. Секс для нарциссической личности существует вне пространства отношений – в лиминальном, пограничном пространстве. Отношения-отношениями, секс-сексом, и это про разное. Потому что секс про нарцисса – это про обычность, а обычность – это тоже теневой аспект нарцисса. Нарцисс настолько озабочен беспокойством об идеальном Я, что ему не до реальности – и не до тела.

А диагностировать нарцисса следует не по отдельным проявлениям, а по чувству, которое он вызывает в отношениях. В них ты чувствуешь себя объектом (то идеализации, то обесценивания), ты не чувствуешь себя субъектом.

Матрица сновидений, которую проводили Цивинский и Зубова, мне напомнила игру в «Метаморфозы Талиесина» из «Школы в Кармартене» Анны Коростелевойⁱⁱⁱ. На нити амплификации неспешно нанизывались как приснившиеся участникам за ночь сновидения, так и возникающие в процессе активного воображения образы. В результате групповой работы сплелись воедино в единой канве извлеченных из бессознательного образов соль, ободранные соленые олени шкуры, олень, из рогов которого вырастает лес, светящиеся лесные ветви, наконец, Солнце (Sol) – и круг замкнулся. Динамика группового бессознательного концентрировалась на проблеме алхимической соли – которая, по Юнгу, является символом эроса, объединения, любви...

Видимо, синхронистические переживания сыграли свою роль в описываемых событиях. Студенческая мастерская-performance **«Постмодернистский нарциссизм: гендерные аспекты»** ввергла меня в состояние неуёмного веселья с самого начала, как только я услышала фразу: «В нашем выступлении нет никакого смысла – именно поэтому Вы сможете найти в нем свой собственный смысл, и стать полноправными творцами реальности, никому при этом не противореча».

Симулякр – это означающее без означаемого, когда его объекта не существует, но его описание существует. Практикабль – это театральная декорация, вещь, которая не является реальной, но претендует на эту реальность. Сперва были древние греки, которые считали, что истина – это один большой кусок. Потом родился Декарт и сказал, что истина – это нечто развивающееся. Потом был Лобачевский, который заявил, что параллельные прямые в бесконечности пересекаются – и с него начался постмодернизм. И начало строиться принципиально другое здание истины, в котором есть много разных правд. Затем появился Фрейд, находясь в дискурсе которого, мы не можем сказать, правда ли его дискурс, или нет. Мы не можем сказать, верны ли наши собственные мысли, или не верны. Лишь выйдя за пределы данного дискурса и собственной субъективности, мы можем сделать определенные

выводы. Истина про что-то видна только снаружи. Таким образом, Фрейд тоже дал сигнал о множественности истин. Фрейд был первым постмодернистом ;) И это дало аппарат для постмодернизма. Теперь мы уже не можем сказать, что Фрейд правее Юнга, Юнг правее Райха, потому что они несравнимы. ;)

Философия постмодернизма связана не только с наукой, но и с искусством. Поэтому она порой тонет в хаотическом нагромождении различных концепций – это очень характерно для конца XX века. В них действуют механизмы деконструкции, преобладает нестрогое мышление, декларируется новая философия. Постмодернизм – это маргинальный, китчевый философский дискурс с характерной иррациональностью. Истинный идеал постмодернизма – хаос, именуемый Делёзом хаосмосом. Любое подобие порядка нуждается в базовой деконструкции.

Гендер создается обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение в обществе. Гендерные системы различаются в разных обществах, однако везде они ассиметричны таким образом, что маскулинные черты – значимы и доминирующее, а феминные – вторичные, незначительные с социальной точки зрения. Далее мы разделились на две группы, «мужчин» и «женщин», и каждая группа стала пытаться обвинять противоположную сторону в нарциссизме (женщины носят каблуки, красятся, а мужчины постоянно покупают себе дорогие гаджеты, костюмы, и т.д.).

И - как только я увидела мантию, в которой был облачен ведущий, на меня повеяло ощущением «родного круга».

После конференции я подошла пообщаться с одним из авторов перформанса Третьяковым Дмитрием. После чего между нами состоялся следующий диалог:

- Это похоже на ролевую средневековую мантию.
- Это и есть ролевая средневековая мантия :)
- Только не говорите, сударь, что Вы тоже играете в РИ :)...
- Играю ;) Я сам отсюда, но в апреле я собираюсь в Екатеринбург. На игру «Титаник».
- Ааааа! Сударь, Вы говорите с сомастером «Титаника»!

гоголевская немая сцена

Это было поистине удивительное синхронистическое совпадение. Я раньше знала, что в Питере есть ролевики, а в ВЕИПе есть психоаналитики, но когда эти два круга Эйлера наложились друг на друга – я убедилась, что в ВЕИПе есть ролевики. Какова случайность – пересечься в другом городе в институте в рамках одного мероприятия с человеком, который в рамках другого мероприятия едет на нашу игру в Екатеринбург! И наши пути пересеклись, совпали.

Конференция закончилась очень теплым ощущением общности – которая пронизывает всех, невзирая на город, пол, и возраст. Лично для меня она была связана с окончательным крушением дистанции между мной и теми-самыми-профессионалами за сорок-пятьдесят лет – и осознанием того, что в восприятии определенных вещей возраст не играет роли.

И, есть еще один нюанс: самые важные и самые значимые в работе вещи узнаются не на лекциях, а в живом общении. В том самом, которое течет в промежутках между мастер-классами. О символах в песочной терапии, о том, почему дозидипальным пациентам не надо давать интерпретации, а надо отражать и показывать определенные вещи, об энантиодромии и о символической смерти родителей – обо всем этом ты разговариваешь в перерывах. И черпаешь оттуда порой больше, чем из самих мастер-классов.

III И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки, склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток:
И пред шумящею пучиной,
Недоумения полна,
Остановилась она.

XII

Как на досадную разлуку,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой, взъерошенный медведь;
Татьяна ах! а он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протянул; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливymi шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что ж? медведь за ней!
Она, взглянуть назад не смея,
Поспешный ускоряет шаг;
Но от косматого лакея
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь несносный;
Пред ними лес; недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

XIV

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колени ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей

Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; боится,
Медведя слышит за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бежит, он всё вослед:
И сил уже бежать ей нет.

XV

Упала в снег; медведь проворно
Ее хватает и несет;
Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, недохнет;
Он мчит ее лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш убогой;
Кругом всё глушь; отсюда он
Пустынным снегом занесен,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик, и шум;
Медведь промолвил: «Здесь мой кум:
Погрейся у него немножко!»
И в сени прямо он идет,
И на порог ее кладет.

XVI

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сенях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку,
И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

XVII

Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусяной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ! 31
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей,

Героя нашего романа!
Онегин за столом сидит
И в дверь украдкой глядит.

XVIII

Он знак подаст: и все хлопочут;
Он пьет: все пьют и все кричат;
Он засмеется: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат;
Так, он хозяин, это ясно.
И Тане уж не так ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных;
Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола гремя встает;
Все встали; он к дверям идет.

XIX

И страшно ей: и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указывает на нее,
И все кричат: мое! мое!

XX

Мое! — сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталась во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул,
И дико он очами бродит,
И незваных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

XXI

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг

Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась..

iii Первокурсники, помогая друг другу, подталкивая один другого на узкой лестнице, вползли на самый верх башни Стражей, на химию. Они пришли с урока валлийской литературы, по дороге не переставая играть в метаморфозы Талиесина. Это была одна из любимых школьных игр, имевшая не самые простые правила, но внешне состоявшая в нанизывании строк в подражание прологу поэмы Талиесина "Битва деревьев":

- Я был орлом в небесах, плыл лодкою в бурном море,
Я был пузырьком в бочке пива и год был морскою пеной, - говорил милый и улыбочивый Афарви, сын Кентигерна, ища глазами того, кто должен был перехватить у него эстафету.
- Я был в сраженье мечом и щитом, тот меч отражавшим, - подхватил Мейрхион, сын Лоури, - я был водой дождевой и был Тарквинием Змейком.
- Ох, сейчас Змейк придет! - сказала Керидвен, но не теряя времени, подхватила: - Я был языком огня и бревном, в том огне горевшим, я был совою в дупле и дуплом, сову...
- Содержащим, - ехидно подсказал Ллевелис.
- Приютившим, - выкрутилась Керидвен. - Светил маяком на скале, ночную тьму разгоняя, семь лет на одежде Мак Кехта я пробыл пятном кровавым...
- Я был рогами оленя и юго-западным ветром, - продолжила красавица Энид, - ошибкой лежал в основе неправильных вычислений, я был еловой корой, высокой травой в долине, был парусом корабля, державшего путь в Канаду...
- Я был виноградной лозой и буквой заглавной в книге, - подхватил эстафету Ллевелис, - семь лет был струною арфы...
- ...и в каждой бочке затычкой, - вставил Гвидион.
- ...и год - травую морскою, - не смущаясь, закончил Ллевелис, и, склонив голову, с юмором посмотрел на Гвидиона.
- Я был черепицей на крыше, трактатом о смысле жизни, - подхватил Гвидион, - закатным отблеском был и был поломойной тряпкой.
- Я простирался мостом над течением рек могучих, - откликнулась Морвидд, - был посохом пилигрима и мхом на дорожном камне...
- Я был полынью в степи и был отраженным эхом, я был заплатой на юбке торговли любовным зельем, - включился Дилан, сын Гвейра, - был свежим номером "Таймс", поистине это было, малиновой пенкой был и криком в ночи беззвездной.
- Пятнадцать лет я лежал в кургане на Каэр-Керддин, я прялкой был и клубком, был черной дырой Вселенной, - присоединился Клиддно, - кофейной мельницей был, полоской на шкуре зверя, я был рисунком мелком и облачком плыл над Римом.

Конечно, у них не получалось так, как у старших студентов, но все-таки и им удавалось вызвать ощущение полной свободы и безграничной надежности всего сущего, ради которого затевалась эта игра.